

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ

Творчество Тургенева. Сборникъ статей подъ редакціей И. Н. Розанова и Ю. М. Соколова. „Задруга“. Москва. 1920. Стр. 234. Цѣна 120 руб.

Общее устремленіе авторовъ сборника направлено прежде всего на выявленіе художественной стороны произведеній Тургенева (В. М. Фишеръ: Повѣсть и романъ у Т-ва; И. Н. Розановъ: Цѣвоцъ молчанія (о стихотвореніяхъ Т-ва); С. В. Шуваловъ: Природа въ творчествѣ Тургенева; Б. Е. Лукьямскій: Эпитетъ у Тургенева). Много вниманія удѣлено ирраціональнымъ элементамъ (М. А. Петровский: Тайственное у Тургенева; Ч. Вѣтринскій: Муза-вампиръ; К. Г. Локсъ: Вѣра и сомнѣнія Тургенева). Тому, что можно было бы назвать «общественной» стороной произведеній Тургенева, посвящены два хорошихъ очерка: М. М. Клевенскаго, Общественно-политическіе взгляды И. С. Тургенева, и Б. М. Соколова, Мужики въ изображеніи Тургенева.

Сборникъ этотъ возникъ, надо полагать, въ связи съ недавнимъ Тургеневскимъ юбилеемъ. Интересны опъ, главнымъ образомъ, своими заданиями, хотя имѣются въ немъ и удачныя страницы. Авторамъ объединило стремленіе взглянуть на Тургенева по-новому, принять его нашей сегодняшней душой, въ которой уже нѣтъ больша мѣста традиціоннымъ расцѣнкамъ Тургенева, какъ «бытовика», «знатока народной жизни и пѣвца ея идеаловъ», «общественника», чуть ли не публициста. Многое въ дѣлѣ ликвидаціи устарѣлыхъ оцѣнокъ, выработанныхъ критикой 60-хъ—70-хъ годовъ, было уже сдѣлано, напомнимъ хотя бы книгу Д. Н. Овсянко-Куликовскаго; «Старую манеру Тургенева» — К. К. Истомина; статью Г. А. Грузинскаго въ «Исторіи русской литературы XIX в.»

(Изд. «Мір»), этуль Л. Гросмана — «Малопъ Леско» и т. д. Однако, моментъ всеобщаго сотрясенія и сдвига явился наиболѣе подходящимъ для коренного пересмотра традиціонныхъ воззрѣній на Тургенева.

Сборникъ открывається статьей В. Фишера, посвященной анализу «сюжета» и нѣкоторыхъ, наиболѣе характерныхъ приемовъ Тургенева. Статья эта могла бы быть еще болѣе интересной. Но въ настоящемъ своемъ видѣ она производитъ впечатлѣніе схемы, довольно детальнаго, но не полнаго, плана, по которому когда-нибудь будетъ выполнена столь важная и столь трудная работа, какъ изученіе эстетики Тургенева, т. е. свойственной ему трактовки сюжета, композиціи, пропорціи и т. д., вплоть до выбора эпитетовъ. Все это, для художника, способы самовыраженія и, напр., изученіе эпитетовъ внѣ общей «эстетики» даннаго писателя ни къ чему не ведутъ, какъ это и явствуетъ изъ статьи Б. Лукьянскаго.

В. Фишеръ опубликовалъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, двѣ хорошія книжки о русскихъ писателяхъ XIX вѣка, гдѣ онъ разсматривалъ нашихъ классиковъ по-новому, не традиціонно, оставляя на второмъ планѣ ихъ «общественную» сторону и сосредоточивая главное вниманіе на архитектоникѣ классическихъ произведеній, на приемахъ творчества и т. д., словомъ, трактуя литературу, какъ искусство слова. И обѣ книжки быстро проложили себѣ дорогу въ школу. Настоящая статья будетъ чрезвычайно интересна для преподавателей, но она слишкомъ схематична и неполна. Главныя ея положенія сводятся къ слѣдующему: автобиографическій, бытовой и историческій элементы въ произведеніяхъ Тургенева не существенны; главный интересъ ихъ психологическій и философскій. «Приковать человека къ мѣсту, задѣлать его въ рамки хронологическихъ датъ и наблюдать за нимъ въ этомъ уголкѣ, забывъ о той безконечности (наводившей, къ слову сказать, ужасъ на Тургенева, — С. К.), что его окружаетъ — вотъ художественное заданіе Тургенева».

Чрезвычайно досадно, что В. Фишеръ, говоря о «музыкальной» сторонѣ Тургеневскаго романа, понимаетъ слово это какъ-то ужъ очень «прикладнымъ» образомъ и ограничивается перечисленіемъ тѣхъ сценъ, гдѣ описана игра на фортепьяно или гѣнне, въ то же время ни словомъ не упоминаетъ о музыкальной трактовкѣ самого сюжета. А между тѣмъ, однимъ изъ излюбленныхъ приемовъ Тургенева являются музыкальныя заключенія отдѣльныхъ главъ романа: напряженность внутреннихъ переживаній «разрѣшается» гармоничеки, и растворяется въ лирическихъ аккордахъ; ср. напр. заключенія главъ IV, VIII, XXVII и XXVIII въ такомъ, казалось бы, мало поэтическомъ произведеніи, какъ «Отцы и дѣти». Лири-

чоской резиципціей Тургеневъ отвѣчаетъ на безпощадное: *entbehren sollst du, sollst entbehren*.

Не менѣе досадно, что В. Фишеръ проходитъ молчаніемъ странную и страстную влюбленность Тургенева въ XVIII вѣкъ, особенно въ XVIII в. въ его русскомъ преломленіи: причудливости рококо среди русской корявой дѣйствительности. Эта сторона Тургенева тонко и красиво разсмотрѣна Л. Гросманомъ (Манонъ Леско; *Senilia* .Одесса. 1919) Въ этой влюбленности въ XVIII вѣкъ, остается абсолютно неоправдываемой сцена Омушки и Фимушки, включенная въ столь ультра-злободневный романъ, какъ «Новь».

Много говорилось о мастерскихъ описаніяхъ природы у Тургенева. С. Шуваловъ анализируетъ роль этихъ описаній въ развертываніи сюжета. Въ большинствѣ случаевъ, картины природы не являются простой декорацией, кулиссой, но тѣсно связаны съ переживаніями персонажей и съ общимъ настроеніемъ произведеній, являютъ извѣстную музыкальную символику, позволяютъ ощущать «таинственныя пути между космосомъ и душой. (Достаточно напомнить роль грозы въ «Вешнихъ ведахъ», въ «Фаустѣ», въ «Наканунѣ»; зимняя или осенняя буря въ «Рудинѣ», въ «Несчастной», въ «Перопискѣ» и т. д.)

Цѣлый рядъ произведеній Тургенева касается области ирраціональнаго («Собака», «Сопь», «Пѣсь торжествующей любви», «Клара Милить» и т. д.). М. Петровский устанавливаетъ, что «таинственнымъ началомъ въ жизни, по часто и злымъ и страшнымъ, является Тургеневу любовь; началомъ таинственнымъ и всегда злымъ, и всегда страшнымъ — законъ смерти; наконецъ, объединяющимъ ихъ субъектомъ таинственнаго, столь же страшнымъ, столь же безпощаднымъ — судьба.» Ч. Вѣтринскій видитъ въ Элизѣ («Призраки»), образъ музыкаль какъ она представлялась перѣдко Тургеневу, музы-вампира, питающейся соками поэта. К. Локсъ справедливо отвѣчаетъ, что Тургеневъ «сквозь легкую дымку созорпанія, а не страстной любви или ненависти всматривался въ необозримое море народной жизни.» «Не меньше, чѣмъ Толстой и Достоевскій, увидѣлъ огъ въ народѣ, увидѣлъ и прошелъ мимо. Въ самомъ дѣлѣ, какой смерть поднялся бы въ душѣ Достоевскаго при встрѣчѣ съ «живыми мощами!» Тургеневъ спокойно и проникновенно рассказалъ и перешелъ къ другимъ темамъ, такимъ далекимъ и чуждымъ.» Пушкинская «свободная дорога» была наиболѣе близка ему. Не потому ли его такъ не любили Толстой и Достоевскій?

Кое гдѣ, у авторовъ сборника сквозитъ стремленіе измѣрять Тургенева по одному масштабу съ Толстымъ и Достоевскимъ. Объ этомъ можно только пожалѣть. Богоборчество, религіозное горѣніе,

темпераментъ пророковъ — все это было чуждо Тургеневу агностику, либералу на западный манеръ, поэту, влюбленному не столько въ Красоту («Красота спасетъ міръ!») восклицать Достоевскій), сколько въ красивое. И не совсѣмъ правда, что Тургеневъ нашелъ въ народѣ не меньше, чѣмъ Толстой и Достоевскій. Тѣ же типы, какъ Лукерья, Акимъ, Касьянъ не являются въ его глазахъ типичными для русской деревни, и авторъ бесконечно далекъ отъ того, чтобы увидѣть въ русскомъ народѣ «народа-богоносца» или чтобы пойти самому и насъ послать учиться у народа его «правдѣ».

Въ русской литературѣ уже отмѣчалось, насколько не соотвѣтствуетъ истинѣ ходячее представленіе о Тургеневѣ, какъ «лѣвицѣ идеаловъ народной жизни». Б. Соколовъ еще разъ возвращается къ этой темѣ и убѣдительно показываетъ, что Тургеневъ вообще мало говорилъ о деревнѣ, какъ таковой: большинство его крестьянъ — дворовые или люди, такъ или иначе, оторвавшіеся отъ земли; описаній полевыхъ работъ въ его произведеніяхъ совсѣмъ не встрѣчается; почти отсутствуютъ просто описанія внѣшняго вида деревни. Въ общемъ же, то, что онъ говоритъ о мужикахъ, очень печально. «Господствующій тонъ по отношенію къ мужику-землепашцу глубоко-пессимистическій». Не могутъ искупить этого мрачнаго изображенія крестьянской жизни ни «Бѣжинъ Лугъ», ни нѣсколько симпатичныхъ женскихъ образовъ (главнымъ образомъ, изъ дворовыхъ), ни рѣдкія изображенія религиозныхъ настроеній народа, которыя «интересовали Тургенева-писателя, но далеко, впрочемъ, его не захватили». «Свѣтлыя стороны мужицкаго міра... потонули въ безднѣ тьмы, ненависти, глуности, жестокости и пьянства».

Поэтому Тургеневъ звалъ интеллигенцію не учиться у народа его правдѣ, а напротивъ, — учить его: «возьмите науку, цивилизацію и лечите этой гомеопатіей мало-по-малу.» «Роль образованнаго класса въ Россіи быть передателемъ цивилизаціи народу съ тѣмъ, чтобы онъ самъ уже рѣшилъ, что ему отвергать или принимать... Тургеневъ плохо вѣрилъ или, лучше сказать, совсѣмъ не вѣрилъ въ государственныя способности русскаго общества и всего русскаго народа. М. Клевенскій въ прекрасной статьѣ разсматриваетъ общественно-политическіе взгляды Тургенева, привлекая большой матеріалъ отчасти мало извѣстный до послѣдняго времени по цензурнымъ условіямъ. Вырисовывается обликъ политически воспитаннаго и образованнаго чловѣка, въ противность мнѣнію Герцена и др., отрицавшихъ за Тургеневымъ политическія способности, съ чѣмъ Тургеневъ всегда спѣшилъ согласиться, прибавляя не безъ досады: «Если ужъ на то пошло, признаюсь, лучше быть не-политикомъ въ моемъ родѣ, чѣмъ политикомъ въ родѣ Огарева или Бакунина.» Это Тургеневъ неоднократно доказалъ и на дѣлѣ. —

Вспомнимъ исторію съ проектомъ адреса Александру II о необходимости созыва Земскаго Собора. Авторы проекта (Герцель, Огаревъ) составили его въ нарочито расплывчатыхъ, даже двусмысленныхъ выраженіяхъ, такъ чтобы подъ нимъ смогли подписаться даже самыя заядлыя крѣпостники. Но Тургеневъ отказался поставить свою подпись. Критиковать положеніе о крестьянахъ, сказалъ онъ, это значитъ поддерживать въ народѣ убѣжденіе, что царь далъ волю, а помѣщики и бары (т. е. вообще всѣ образованные люди) хотятъ ее отнять. Последующія событія, въ томъ числѣ и I-ое Марта 1881 г., показали, насколько Тургеневъ былъ правъ, опасаясь этого грядущаго разрыва между деревней и интеллигенціей.

Необходимо отмѣтить печальную внѣшность книги: сѣрая бумага, тусклая, съ трудомъ читаемая печать, плохая брошировка.

Пр.-доц. **Сергій Карцевскій.**

Архивъ русской революціи, т. т. I II и III. Берлинъ. 1921 г.

2-й и 3-й т. т. «Архива» даютъ много матеріала для характеристики роли союзныхъ державъ въ русской борьбѣ съ большевистскою властью. Это одна изъ очень тяжелыхъ страницъ въ исторіи Россіи послѣднихъ лѣтъ. Здѣсь много постыднаго не только для союзниковъ, но и для насъ. И трудно сказать для кого больше. Въ концѣ концовъ не въ этихъ моральныхъ оцѣнкахъ суть дѣла. Отъ взаимныхъ перекоровъ и предъявленій счета обидъ не можетъ быть выяснена та общественно-политическая обстановка, при которой въ самой основѣ отношеній между разнаго рода «бѣлыми» фронтами и союзниками скрывался безнадежный и неисцѣлимый порокъ. Сущность этого порока заключалась въ томъ, что недостатокъ въ массахъ гражданской стойкости и революціонной энергіи въ борьбѣ съ большевизмомъ думали замѣнить иностранными техническими средствами. Качественную, внутреннюю болѣзнь движенія думали излѣчить количественными, внѣшними аксессуарами иностраннаго вмѣшательства. Недостаточно сильные въ борьбѣ за свое родное дѣло, дѣятели вооруженной или вѣрнѣе военной борьбы съ большевизмомъ думали спасти положеніе помощью людей, для которыхъ это дѣло было чужимъ.

И у этихъ чужихъ людей часто возникалъ вопросъ, вполнѣ резонный: да хотятъ ли тѣ, которымъ мы помогаемъ себя освободить, себя освободить? Когда американцы и англичане выходили на позиціи въ Бельгіи или во Франціи помогать французамъ